

ВЛАСТЕОТНОШЕНИЯ И ИХ СУБЪЕКТЫ В ГОСУДАРСТВАХ НАРОДОВЛАСТИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОБОБЩЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ

Н. В. СЕЛИХОВ*

Селихов Николай Васильевич,
канд. юрид. наук, юрисконсульт
(Москва)

Данная публикация актуализирует на теоретическом уровне ряд вопросов, связанных с исследованием государств народовластия. Такие государства предлагаются выделить в особый тип — «народное государство» — самостоятельную политико-правовую конструкцию, обладающую собственными индивидуальными признаками. Ее следует изучать вне традиционной увязки с какой-то единственной формой государства. Государственность данного типа способна проявиться в разных формах, которые объединяет принцип публично-правового солидаризма, осуществляющийся в единении публичной власти и общества на телеологической и аксиологической основах и правопорядке. Источником данной формы социально-правовой коммуникации выступает разнородный, но обладающий внутренней сплоченностью народ. Статья формирует представления о субъектах — носителях публичной власти в госу-

дарствах народоправства, раскрывает особенности возникающих между ними социально-правовых связей (властеотношений), в которых государство и осуществляемая им публичная власть представляются продолжением верховной власти народа-суверена. Разграничиваются понятия верховной и высшей государственной власти, рассматриваются некоторые элементы народного представительства и общественно-политической самоорганизации граждан, затрагивается проблема поиска оснований единства публичной власти, укрепления ее связи с народом в противовес классической конструкции «разделения властей». Сделан акцент на том, что политическая борьба и межпартийное противостояние в системе народовластия должны вписываться в рамки, определенные силой общенародного солидаризма. Предложено оживить дискуссию об особенностях реализации конституционно заявленного в России принципа народовластия в рамках теории государства и отечественного государственного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: властеотношения, субъект властеотношений, народ, народо-властие, народный суверенитет, народное государство, государственная власть.

* *Nikolay V. Selikhov* — PhD in Law, legal counsel (Moscow).

E-mail: selihovnv@mail.ru

© Селихов Н. В., 2018

УДК 321.01; 321.7; 342.3; 342.5

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu25.2018.104>

SELIKHOV N. V. POWER RELATIONS AND ITS SUBJECTS IN THE STATES OF DEMOCRACY: CONCEPTUAL GENERALIZATIONS OF DOMESTIC THEORY

This article updates on theoretical level a number of issues concerning the analysis of the democracy states in which it proposes to single it out as a special type, people's state — an independent political and law construction having its own individual features, and it should be analyzed beyond traditional fitting with the only form of state. State system of this type can be revealed in different forms, united by the principle of public and law solidarism, the unity of public power and society on theological and axiological grounds and law and order. The source of this form of social and legal communication is heterogeneous people, but with inner cohesion. The article forms notions about the subjects of public power in the states of democracy, opens up the peculiar features of social and legal communications between them (power relations), in which the state and its public power is the continuation of supreme power of sovereign people. The notions of supreme and superpower of the state are differentiated in the article, some elements of representation people and social and political self-organization of the citizens are considered, the issue of search of grounds for the unity of public power, consolidation of ties with the people in contrast to classic construction of "dividing powers". The accent was made that political struggle and interparty confrontation in the system of democracy must fit the frames defined by the power of public solidarism. It is proposed to revive the discussion about the peculiarities of realization of democracy principle declared in the Constitution of Russia in the frames of state and domestic law theory.

KEYWORDS: power relations, subject of power relations, people, democracy, sovereignty of the people, people's state, state power.

Непрерывность человеческого общения обусловлена ежедневной потребностью людей контактировать друг с другом. Взаимность интересов делает многие его моменты совершенно обыденными, однако за привычными алгоритмами всегда стоит устоявшийся в обществе порядок. Последний обеспечивает возможность существования устойчивых социальных связей, а само общество воспринимается коллективным объединением индивидов, стремящихся к социальной коммуникации для достижения совместных целей на общей аксиологической основе.

По этой причине можно утверждать, что в основании любой формы социальной коммуникации лежит *публично-правовой солидаризм*¹ — форма социального единения народа по поводу установления общего публичного порядка регулирования общественных отношений согласно устоявшимся правилам поведения посредством особого сложившегося механизма и через реализацию последним функции публичной власти².

¹ Предлагаемое понятие вытекает из сути социального общения, лежащего в основе таких явлений, как государство и право, воспринимаемых плодами целенаправленного человеческого взаимодействия, появившихся на почве согласия и компромисса людей (см. об этом: Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 5. С. 27). Такой подход представляется продолжением идей О. Конта, Л. Дюги и других сторонников идеи единения людей в силу общности их интересов и потребностей.

² Последовательное чередование известных форм социального единения (семья, род, племя, государство) не только повествует об их эволюционном развитии и укруп-

Это положение вполне согласуется с традиционным в отечественной литературе восприятием *государства* как особой формы³ публично-правового солидаризма⁴, обеспечивающей практическую реализацию публичной власти в обществе через государственный механизм (систему публичных органов и учреждений)⁵.

Публичная власть, в свою очередь, представляется обязательным признаком любой формы публично-правового солидаризма, ибо она есть базовый элемент практического регулирования социальных связей⁶. Иногда ее называют властью общественной, разновидность которой, реализуемая через государство, считается властью государственной⁷.

Предлагаемые различными авторами типологии и классификации форм государства, особенно природы и функционирования в них публичной власти всегда вызывали широкий научный и практический интерес. Постоянные попытки объяснить цели и механизм реализации власти в государстве — перманентная и первостепенная задача науки на любом этапе существования общества. Не составляют исключения и *государства*

нении, но и показывает переход публичной власти от низшей ступени к высшей. Некоторую аналогию перерастания мы наблюдаем в смене исторических типов государства, предложенной марксизмом. Правда, есть существенное различие: все приведенные формы публично-правового солидаризма сосуществуют поныне, тогда как исторические типы государства заместили друг друга революционным путем.

³ См. об этом: *Алексеев Н. Н.* Очерки по общей теории государства. М., 1920. С. 39, 128.

⁴ С. А. Котляревский видел в государстве «воплощение всеобщей воли» (*Котляревский С. А.* Власть и право: проблема правового государства. М., 1915. С. 26). Общая воля есть фактор единения людей в государстве. В. А. Черепанов, поддерживая позицию Л. С. Мамута, также видит в государстве коллективность — политическое сообщество (*Черепанов В. А.* Проблемы российской государственности: опыт системного исследования. М., 2018. С. 37–38).

⁵ В истории предпринимались попытки поиска послегосударственных форм существования общества. Некоторые носили практический характер, другие предвиделись лишь теоретически как дальнейший закономерный этап социального развития. Так, В. М. Гессен и многие другие, исследуя публично-правовую природу суверенитета, обращали внимание на образование единого средневекового властного надгосударственного центра в лице Папы Римского (*Гессен В. М.* Общее учение о государстве. СПб., 1912. С. 63–64; *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 356–357; *Магазинер Я. М.* Самодержавие народа (опыт социально-политической конструкции суверенитета). СПб., 1907. С. 15–18). Значительно позднее марксистско-ленинское учение, считавшее государство порождением социально-классового раскола, с отмиранием классовой структуры социума прогнозировало и исчезновение самого государства, преемником которого должно было стать коммунистическое *самоуправление* (*Кабышев В. Т.* Прямое народовластие в советском государстве. Саратов, 1974. С. 14; *Петров В. С.* Тип и формы государства. Л., 1967. С. 7, 10, 17; *Григорян Л. А.* Народовластие в СССР. М., 1972. С. 22; и др.).

⁶ Публичная власть может рассматриваться и *формой общественного самоуправления* (см. об этом: *Григорян Л. А.* Народовластие в СССР. С. 22), что вполне объясняет наличие особого типа внутренней организации у любой формы политико-правового солидаризма.

⁷ См. об этом: *Кабышев В. Т.* Прямое народовластие в советском государстве. С. 13; *Петров В. С.* Тип и формы государства. С. 10.

народовластия (народоправства)⁸, в основании которых лежат принципы, заложенные идеей народного суверенитета.

Цель настоящей публикации состоит в решении обозначенной проблемы, которое возможно через концептуальный анализ представлений отечественной науки об отношениях, складывающихся в государствах народоправства по поводу осуществления публичной власти, а также ее субъектах-носителях. Задача заключается в актуализации исследований механизмов народного участия в осуществлении политической власти в современных государствах, что связано с недостатком прозрачных процедур прямого волеизъявления народа, очевидным дисбалансом представительной и непосредственных форм демократии.

В этом направлении следует выделить концепты дореволюционной и советской научной мысли, сформированные на основе последовательной разработки теории народного суверенитета до уровня разделения форм народовластия на *представительное* и *народно-демократическое*, а также отметить отсутствие его постклассических отечественных научных конструкций.

О таких государствах много писалось⁹, поэтому говорить о выдвижении некоторой новаторской идеи не приходится. Важнее постоянно корректировать смысл теоретических взглядов в этой области, исходя из реалий современной жизни и конституционно заявленных политических ориентиров, раскрывающих смысл волнующего всех и всегда вопроса: кто управляет в государстве? Ответ на него дает нам понимание природы и сути упомянутого выше социального порядка, причин различий конституционного и фактического образов государства.

⁸ Интересно само обсуждение вопроса о принадлежности «народного государства» к типу или форме государства. Допуская разнообразие его форм в рамках определенного типа, обоснованное В. С. Петровым (*Петров В. С. Тип и формы государства. С. 57–64*), а также учитывая понимание социальной эволюции самой идеи «народного государства» (см., напр.: *Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 14–17; Петров В. С. Тип и формы государства. С. 27–28; Денисов А. И. Теория государства и права. М., 1948. С. 240; Магазинер Я. М. Самодержавие народа... С. 19–20, 24; Тахтарев К. М. От представительства к народовластию. СПб., 1907. С. 4; и др.), полагаем, что таковое скорее следует относить к типу государства, ибо в своем историческом развитии оно проявляет определенную преемственность, прогрессируя, воплощается в различные формы «единения царя и народа», «вольного города», «народной демократии», «власти трудящихся классов» или «власти всего народа». В любом случае этот вопрос нуждается в обстоятельной проработке и поиске эвристического типологического основания в рамках теории государства, позволяющего группировать и различать их.*

⁹ См., напр.: *Дюнан А. Народное законодательство в Швейцарии: исторический обзор. СПб., 1906; Магазинер Я. М. Самодержавие народа...; Тахтарев К. М. От представительства к народовластию; Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве*; и др. — Анализ трудов в этой области не выявляет различий между понятиями «народовластие» и «народоправство», которые используются всеми авторами как полные синонимы. Правда, с 1930-х гг. заметно некоторое устаревание термина «народоправство». По большей части он замещается также давно употребляемым понятием «демократия». По этой причине тождественными по сути представляются также понятия «народоправное государство» и «государство народовластия».

Единым принципом государств такого типа выступает *народовластие*, которое может прорасти в разных формах¹⁰, получивших в научных трудах множество имен: самодержавие народа¹¹, общенародное государство¹², государство национальной демократии, народная демократия¹³, социальное государство¹⁴, общенародное социалистическое государство¹⁵, непосредственные и представительные республики¹⁶ и т. д.

Несмотря на серьезный теоретический задел в исследовании форм проявления народовластия, существует ряд принципиальных моментов, нуждающихся в детальном освещении. Необходимо оценить саму возможность существования государств народовластия, уяснить природу возникновения этой *теоретической конструкции*, в основе которой могут оказаться как идеалистический авторский вымысел, свойственный многим политическим учениям, так и реальные исторические факты, требующие анализа и обобщения в рамках государственноведения. Многочисленные труды и долготелый опыт существования построенных по упомянутому принципу социалистических государств нуждаются в концептуальной обработке. Такая обработка не является отвлеченной теоретической проблемой, но имеет конкретное практическое преломление, с учетом мировой тенденции государственного развития по пути конституционного народовластия¹⁷.

Народное государство. Для удобства употребления названий государств народовластия предлагаем ввести обобщающее понятие *народное государство*¹⁸, применительно к которому нужно установить *общие* и *особенные* квалифицирующие признаки. К первым в литературе принято относить прогрессивную организационно-регулятивную функцию государства, его общенародный (внеклассовый) характер, народный суверенитет, солидаризм (единение) представителей государственной власти и народа,

¹⁰ Об этом, в частности, упоминал К. М. Тахтарев, рассуждая о необходимости смены представительной системы принципиально новой политической системой социалистического государства (*Тахтарев К. М.* От представительства к народовластию. С. 4–5).

¹¹ *Магазинер Я. М.* Самодержавие народа... С. 1.

¹² *Косицын А. П.* Вопросы теории общенародного права // Коммунист. 1963. № 5. С. 119.

¹³ *Петров В. С.* Тип и формы государства. С. 16, 32–33, 49, 64.

¹⁴ *Кабышев В. Т.* Прямое народовластие в советском государстве. С. 18.

¹⁵ *Керимов Д. А.* Сущность народного социалистического государства // Вестник ЛГУ. 1961. № 23. С. 133.

¹⁶ *Магазинер Я. М.* Республика, ее сущность и важнейшие демократические формы. Пг., 1917. С. 17–18.

¹⁷ Названную тенденцию подметил еще Я. М. Магазинер более столетия назад, подчеркнув, что принцип самодержавия народа ложится в основу практически всех конституций мира (*Магазинер Я. М.* Самодержавие народа... С. 102). Это правило превалирует в государственном строительстве по всему миру и сегодня.

¹⁸ Мы используем критерий *телеологической ориентации* государства, примененный С. А. Котляревским при выведении самостоятельного типа «правовое государство» (*Котляревский С. А.* Власть и право... С. 54). Он помог разрешить проблему увязки этой конструкции с конкретной формой правления. Думается, такой подход к типологизации государств по властвующему субъекту сработает и в отношении «народного государства».

сочетание прямого и представительного народоуправления как основной политической силы. Вторые различают такие государства между собой.

Раскрывая содержание признаков народного государства, учтем очевидный факт: в историческом срезе оно не ограничено какой-то единственной формой государства, формой правления или политическим режимом. Такое государство возникает лишь по *воле народа* и при его прямой *поддержке*¹⁹. Им может оказаться монархия, парламентская или президентская республика, социалистическое государство. Выражая доступным и общепринятым образом (через представительные и непосредственные формы демократии, одобрение или согласие) коллективное мнение, народ сам выбирает способ управления общими делами.

С библейских времен по сей день примеров того достаточно.

Так, за тысячу лет до Р.Х. во времена правления священников-судей израильский народ решением собрания старейшин сменил теократию, избрав царя из своей среды, «как у прочих народов» (1-я Цар., 8).

Аналогично действовал русский народ в период Смуты и восстановления монархии. После длительного безвластия сословные выборные от *всего* народа в 1613 г. избрали Михаила Романова на трон, выразив доверие новой династии, которую и спустя 300 лет в России называли «народной монархией»²⁰. В сложные времена народные массы поднимались в защиту царя²¹, понимая, что в созданном ими государстве он — «первое служилое лицо»²², действующее во благо всего народа и в интересах всех сословий²³.

Совершив государственный переворот в 1917 г., большевики задались целью построения в России принципиально нового, внеклассового государства — социалистического, публичная власть в котором коллективно осуществлялась непосредственно народом и его представительными

¹⁹ По этому поводу А. Н. Кокотов справедливо указал на вытекающее из суверенности каждого этноса и народа (общегражданской общности) право самостоятельного выбора своего жизненного пути (*Кокотов А. Н.* Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994. С. 42–43). Не абстрактные политические теории, а народ определяет форму своего общежития, исходя из своих традиций и наличия опыта собственной государственности. Навязать массам чуждые взгляды силой, построив тем самым устойчивое государство, невозможно. Для лучшего результата политическая идея должна овладеть умами социального большинства изначально.

²⁰ См. об этом: *Солоневич И. Л.* Народная Монархия. М., 2002. С. 85–86. — Выражением идеи народной монархии В. А. Савальский считал конституционную монархию, в которой управление государством осуществляется с участием народного представительства и контролем над правящими лицами (*Савальский В. А.* Государственное право: общее и русское. Варшава, 1912. Ч. I. С. 112).

²¹ По традиционному воззрению Россия всегда представлялась патриархальным государством, большой семьей, возглавляемой царем, который всегда идет навстречу своему народу, в том числе и в области самоуправления (*Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. С. 15, 17, 20, 107).

²² Там же. С. 22; *Магазинер Я. М.* Самодержавие народа... С. 19, 20, 24.

²³ О близком, родственном союзе «земли» и «государства», т. е. народа и власти, упоминал К. С. Аксаков (*Аксаков К. С.* Полное собрание сочинений. Сочинения исторические. М., 1861. Т. I. С. 14–15), а Н. А. Захаров отмечал в царской власти роль «объединительницы» всего государства, ее качество «перводвигателя» (*Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. С. 50, 105, 114).

органами (советах) под руководством политической партии-гегемона²⁴. Спустя 74 года волею того же народа это государство «переродилось» в полупрезидентскую, полупарламентскую республику с доминирующим положением президента в структуре власти²⁵.

В Западной Европе в XVII в. «доктрина левеллеров», прижившаяся в Англии и провозгласившая народ единственным источником всякой власти²⁶, привела не только к низведению английского абсолютизма до уровня конституционной монархии, но и к появлению доселе неизвестного высшего органа коллективного управления — *парламента*, быстро заместившего народ в управлении государством.

Подобным образом в XVIII в. во Франции революционным путем ликвидирована монархия, где воля народа-суверена также единолично формировалась парламентом. Народный суверенитет ограничился лишь избранием его представителей²⁷.

Становится понятным, что смена образов народным государством в исторической раскладке зависит не только от поддержки народа, но и от способа и широты его вовлеченности в процесс государственного строительства и управления наиболее социально-активной группой, а также представлениями общества о нужном ему порядке, организующем его внутреннее состояние.

Краткая суть общих признаков народного государства заключена в следующем.

Государства данного типа принято наделять *прогрессивной организационно-регулятивной функцией* по отношению к обществу, которое не воспринимается более «машиной классового господства», а выполняет роль средства целенаправленного регулирования и развития общественных отношений в интересах *всего* народа²⁸. В них не наблюдается процессов подавления широкой социальной инициативы; действуя в рамках правопорядка, они не препятствуют развитию социальных групп.

Общепарламентный характер такого государства проявляется в его внеклассовости, или надклассовости²⁹. При этом народ выступает в нем не совокупностью противоборствующих на определенной территории соци-

²⁴ Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве. С. 22; Коток В. Ф. О развитии форм сочетания народного представительства с непосредственной демократией в СССР // Советское государство и право. 1960. № 12. С. 14; Маньковский Б. С. Народно-демократическая республика — политическая форма диктатуры рабочего класса // Советское государство и право. 1949. № 10. С. 14.

²⁵ Чиркин В. Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. 1994. № 1. С. 115.

²⁶ Ковалевский М. М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т. II. С. 212.

²⁷ Монтескье Ш. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. СПб., 1900. С. 159–160.

²⁸ Петров В. С. Тип и формы государства. С. 27, 17.

²⁹ Внеклассовое общество формировалось в развитом социалистическом государстве, допускаяшем на первоначальном этапе существование лишь широкой коммунистической дружественных классов (рабочих и крестьян). Западной традицией в государствах народовластия классовое (социальное) расслоение общества, наоборот, вовсе не

альных групп, а сплоченным общими интересами коллективным образованием, решающим вопросы общественного управления самостоятельно³⁰.

Солидаризм (единение) представителей государственной власти и народа вытекает из общенародного характера государства, где государственный механизм играет роль инструмента воплощения возведенной в закон воли народа³¹, но не формирует свои собственные, противоречащие общественным, воззрения на существующий правопорядок. Носители государственной власти не противопоставляют себя остальному обществу, ему подконтрольны и подотчетны.

Принцип народного суверенитета возводит народ в ранг *непосредственных* социально-массовых коллективных субъектов, причем воля народа последовательно перерастает из политической плоскости в государственную, приобретая общеобязательный, правовой характер³².

Сочетание *прямого* и *представительного народоправства* является логической формой реализации народного суверенитета как основной политической силы³³. Дополняя друг друга, они создают представление о полноте власти суверена, объединяя ее фактические и юридические основания.

Таким образом, обобщение основных признаков народного государства позволяет нам выделить его основное качество, отличающее данную форму государственности от различных вариаций демократий и авторитарных режимов, построенных на определенной избирательной поддержке. В нем отсутствует противопоставление пребывающих в государственном механизме *носителей*³⁴ публичной власти и народных масс. В абстрактных понятиях данное состояние можно сформулировать так: государство не противостоит народу³⁵, т. е. *форма* не противополо-

исключалось, а сосуществование классов определялось не отсутствием противоречий, а возможностью единения для достижения общих (надклассовых) целей.

³⁰ Петров В. С. Тип и формы государства. С. 39; *Магазинер Я. М.* Самодержавие народа... С. 1, 12; Григорян Л. А. Народовластие в СССР. С. 71.

³¹ Петров В. С. Тип и формы государства. С. 41; *Магазинер Я. М.* Самодержавие народа... С. 1–2, 5, 9, 110, 114, 116, 122; Гревс И. М. Идеиная борьба и созидательная работа в революции // Полярная звезда. 1906. № 12. С. 56; Гурвич Г. С. Народ, народный суверенитет и народное представительство в советской системе // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 42, 47; Степанов И. М. Советская государственная власть. М., 1970. С. 53–54.

³² См. об этом: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938. С. 56; Денисов А. И. Теория государства и права. С. 240; Петров В. С. Тип и формы государства. С. 65; Гурвич Г. С. Народ... С. 43, 46–47; Ковалевский М. М. От прямого народовластия... С. 212; *Магазинер Я. М.* Республика... С. 30.

³³ Шахназаров Г. Х. Социалистическая демократия: некоторые вопросы теории. М., 1972. С. 104–105.

³⁴ О *носителе* публичной власти, учреждаемой и исходящей от народа, черпающем свою легитимность в последнем, прямо говорит Б. С. Эбзеев: Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 181–198.

³⁵ Столь замечательное основание как одна из идей народоправного государства сформулировано в работах В. А. Черепанова: Черепанов В. А.: 1) Проблемы российской государственности... С. 170–171, 176; 2) О народовластии в России // Государство и право. 2014. № 1. С. 37, 43 и др.

гается *содержанию*. Оно не утопично, но логично в своем разрешении. Ибо положение «огосударственный народ» *не допускает* неразрешимых противоречий между формой социальной коммуникации (государством) и ее историческим источником (народом). Государство не есть оторвавшаяся от народа и повелевающая им *реальность*³⁶. Как только возникает социальное противостояние между властью и народом, режим народо-властия нивелируется. В лучшем случае — различными ограниченными моделями демократии (исключительным господством представительной системы публичного управления; партийно-кабинетным способом формирования представительных органов; преобладанием способа назначения на публичные должности над их выборностью), в худшем — наблюдается открытая узурпация власти народа, приводящая к появлению авторитарных режимов. Народное государство сохраняется лишь в условиях незыблемости народного суверенитета.

С точки зрения концепций народоправства дореволюционного и советского периодов *особенным* признаком для «народной монархии» является надсословное (надклассовое) положение монарха, обеспечивающего социальное равновесие³⁷. Для буржуазных государств таким признаком выступает принцип единения различных социальных групп на основе равенства всеобщих политических прав³⁸ и их представительства. В социалистическом государстве — отсутствие социальных антагонизмов в бесклассовом обществе, существующем на началах социалистического общежития.

Неопределенность современных представлений о сути народовластия не позволяет сегодня выделить его особенности в чистом виде, а в практике отдельных государств наблюдается смешение вышеуказанных представлений в качественно различающихся пропорциях.

Тем не менее единство приведенных признаков с практической точки зрения позволяет взглянуть на народное государство как на определенную *политико-правовую конструкцию*, обеспечивающую в реальном воплощении присущий только ей порядок, основанный на сочетании принципов самоопределения, самоорганизации и самоуправления народа. В конституционных государствах такой порядок становится правовым, ибо всякое государство базируется на праве и осуществляется им властью. При этом первое вбирает в себя и систематизирует социально установленные эталоны поведения, вторая обеспечивает его публичность и вместе с правом формирует правопорядок, который определяет условия и характер реализации различных социальных связей. Правопорядок определяется волей суверена.

Властеотношения. Наиболее важные общественные отношения складываются по поводу осуществления публичной, т. е. политической

³⁶ Мамут Л. С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 50.

³⁷ Магазионер Я. М. Самодержавие народа... С. 67, 93.

³⁸ Там же. С. 114, 116, 121–122.

власти (*властеотношения*³⁹), структурно включающей в себя верховную власть, разделяющуюся на государственную власть и власть самоуправления народа (местное самоуправление). В широком смысле слова они характеризуют расстановку политических сил в обществе, определяющую социальный облик государства, выражающийся как в его форме в целом, так и в его отдельных элементах (форме правления, форме государственного устройства и политическом режиме).

Преломляясь через право, властеотношения воспринимаются более узко, т. е. как особый вид правоотношений — юридически регулируемые социальными связями, возникающие между их участниками по поводу установления, поддержания и изменения правопорядка в публичной сфере.

Учитывая, что предметом рассмотрения заявлены лишь властеотношения, относимые к особому виду правоотношений, имеющих собственную правовую оболочку, рассматривать иные политические, в том числе *неправовые* формы властеотношений, хотя и претендующих на установление собственного социального порядка, но не воспринятых обществом и не имеющих надлежащего правового закрепления, мы не станем. Причина в том, что внеправовые властеотношения не характерны для государств народовластия, они более свойственны государственным образованиям переходного или временно неустойчивого периода существования, когда в обществе в большей степени действует фактическая политическая власть, а не правопорядок. При этом нельзя исключать и того, что подобные «сумеречные» периоды государственной жизни могут предшествовать формированию народоправных государств⁴⁰.

В основе властеотношений в народном государстве также лежат две разграниченные по сфере действия, но взаимодополняющие ветви общественной власти: *государственная власть* и *самоуправление народа*.

Государственная власть видится как делегированные учрежденному народом публично-правовому образованию (государству) посредством закона и обеспеченные возможностью принуждения полномочия в сфере управления общественными делами⁴¹. В свою очередь, самоуправление народа — непосредственное социальное регулирование, базирующееся на коллективном волеизъявлении граждан, выраженном в особых формах

³⁹ Категория «властеотношения», в частности, упоминается В. Т. Кабышевым как соотношение господства и подчинения (*Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве*. С. 9). Как термин используется Б. А. Кистяковским (*Кистяковский Б. А. Сущность государственной власти*. Ярославль, 1913. С. 34–35). Похожими категориями (повиновение и властвование) оперировал С. А. Котляревский (*Котляревский С. А. Власть и право...* С. 1–45).

⁴⁰ В этом контексте допустимо говорить о том, что властеотношения могут складываться благодаря разным социальным конструкциям: правовой (конструкция правоотношений) и социально-политической (прямое регулятивное воздействие фактического суверена). Их соотношение и особенности реализации нуждаются в дополнительной проработке.

⁴¹ Подход, согласно которому государственная власть производна от народа, широко использовался в советском государствоведении. Эту власть считали объектом отношений прямого народовластия (см. об этом: *Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве*. С. 76).

и реализуемом ими непосредственно или созданными ими органами. Обязательность решений самоуправляющегося народа обеспечивается властью государства.

По своей природе властеотношения разделялись русскими и советскими государствоведами на две основные группы.

Первая группа связана с волей носителя суверенной власти, формированием нужной ему формы государственности, установлением в ней должного правопорядка. На начальном этапе она имеет решающее *политическое* значение⁴², так как еще лишена привычной правовой огранки и только вводит новые основные принципы порядка социального регулирования. Эта группа носит устанавливающий (конституционный) характер, благодаря чему такие властеотношения можно назвать *учредительными*⁴³. Сознательно забегая вперед, отметим, что они, как правило, выражаются в активных односторонних актах, которыми суверен транслирует всему обществу собственную волю в режиме «господства и подчинения». С исчезновением абсолютизма и тирании ныне такая возможность сохранилась лишь у *социальных субъектов*⁴⁴.

Вторая группа властеотношений вытекает из правопорядка. Они опосредованы, так как лишены учредительной силы и направлены лишь на практическую реализацию воли суверена через государственный механизм или органы общественного самоуправления. Эти *производные властеотношения* ближе власти исполнительной. Они имеют исключительно правовую природу и направлены против произвола в отношениях между людьми.

В основе производных властеотношений лежит известная *императивная модель* построения правовых связей между господствующими и подвластными субъектами на основе доминирования одной из сторон. Такое положение господствующего субъекта гарантируется признанием его правового приоритета перед другими участниками на уровне закона, устанавливающего обязательный для всех вариант поведения, обеспеченный возможностью принуждения. Господствующий субъект наделя-

⁴² Григорян Л. А. Народовластие в СССР. С. 22.

⁴³ Название властеотношений данной группы полностью соотносится с термином «учредительная власть», предложенным Г. Еллинеком: *Еллинек Г. Общее учение о государстве*. С. 385.

⁴⁴ Весьма удачное предложение, позволяющее отграничивать учредительные властеотношения от классических правоотношений, «жестко» построенных на обязательной корреспонденции юридических прав и обязанностей субъектов, озвучено А. Н. Кокотовым. Вводя термин *социального* (по сути, коллективного) субъекта, он показал специфику его статуса через *специальные* условия правосубъектности: коллективные субъекты наделены юридическими правами, но не обязанностями (*Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность*. С. 46). Это никак не умаляет традиционной юридической конструкции правоотношений, а позволяет применять ее в познании многих публично-правовых феноменов. Трудно сформулировать юридическую обязанность народа в принятии конституции или участия в непосредственном народоправстве. Ее можно насадить искусственно (нормативно), но увязать с общим условием правосубъектности — волей — не получится.

ется правомочиями публичного *притязания*⁴⁵, раскрывающегося в его контроле за соблюдением всеми участниками властеотношений правил, установленных позитивным правом. Производные властеотношения как вид правоотношений подробно исследованы отраслевыми юридическими науками (административным, процессуальным правом). Актуальность этих представлений не утрачена.

Воспринимая приведенную классификацию властеотношений разными сторонами одной медали, мы получаем вполне конкретное видение ситуации: властеотношения являются особым видом правоотношений, учредительная часть которых обнимается *политико-правовой конструкцией*, не предполагающей юридической обязанности социального коллективного субъекта действовать, не меняя сложившегося правопорядка, а производная часть полностью укладывается в традиционную *конструкцию правоотношений*, возникающих исключительно на основе правовых норм. Иными словами, политико-правовая конструкция властеотношений используется обществом всякий раз, когда устанавливается или меняется устоявшийся правопорядок. В период стабилизации она преобразуется в конструкцию традиционную. В противном случае, с учетом консервативного свойства права, в отсутствие политико-правовой конструкции государство и публичная власть в нем оставались бы неизменными. Тот, кто обладает возможностью изменения и обеспечения сохранности «правового панциря» государства, становится в нем сувереном.

Субъекты властеотношений. Разграничение властеотношений помогает выявлять и исследовать их субъекты⁴⁶. Опираясь на прижившийся в дореволюционной и советской науке, все еще не откорректированный современными исследованиями взгляд на власть как на отношения господства и подчинения, важно уделить особое внимание *субъектам — источникам публичной власти (суверенам) и ее субъектам — носителям*.

Исследуя проблему суверена в государствах народовластия, нужно изначально избегать очевидной ошибки: в поисках единственного источника верховной и высшей власти противопоставлять единому народу его часть (класс, группу), орган представительного народовластия (парламент) или главу государства (монарха, президента). Такой подход поведет нас в область весьма умозрительных политических учений и юридических

⁴⁵ *Притязание* видится более подходящим термином. В нужном нам смысле он исследован Г. Еллинеком в отношениях между государством и индивидом (*Еллинек Г. Общее учение о государстве*. С. 305–306, 308). Следующее правило единственного источника верховной власти в государстве (*Гессен В. М. Общее учение о государстве*. С. 171), воля которого лежит в основании всякой власти, субъекты производных властеотношений лишены права диктовать собственную волю в процессе регулирования общественных отношений (*Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства*. С. 38). Они — проводники и исполнители воли суверена, поэтому в силу возложенных на них законом публичных полномочий вправе требовать от окружающих соблюдения правовых предписаний. Этим обеспечивается единство социальной, в том числе государственной, власти.

⁴⁶ О необходимости различать категории «субъекты власти», «субъекты государственной власти» и «субъекты народовластия» упоминал В. Т. Кабышев (*Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве*. С. 20–21).

фикций, на поверку противоречащих фактам реальной действительности, потребует новой терминологии для искусственных построений, более основанных на *вере*, чем на веских доказательствах. Кстати, именно такой путь в советское время привел к теоретическим спорам о том, чьи государства народовластия более «народные»: буржуазные демократии или государства развитого социализма⁴⁷.

Зачастую такое натянутое противопоставление социальных групп (классов) и властных институтов (парламент, монарх), которое неизменно должно вести к постоянной борьбе и насильственному переходу власти, наталкивается на необъяснимый факт их мирного сосуществования и процветания в одном государстве, где перечисленные субъекты не чувствуют ущемления своего положения (европейские монархии). Упоминается даже о существовании *республиканских монархий* (Малайзия, ОАЭ), отличительным признаком которых является систематическая выборность монарха, и *монархических республик* с несменяемыми руководителями государств (КНДР)⁴⁸.

Подобное умиротворение наблюдается в большинстве парламентских и президентских республик, где нет заметного противостояния между народом, с одной стороны, и президентом или парламентом — с другой.

В чем причина столь резких расхождений теории и практики?

Думается, она кроется в политической практике, основанной на идеологии социального противоборства, заложенной давней теорией разделения властей⁴⁹. С XVII в. власть делится на ветви через взаимный контроль (механизм сдержек и противовесов). В результате сословно-договорной, по сути частный, способ ликвидации английского абсолютизма был возведен до уровня базового принципа современных государств. Им же разделили государство и народ, хотя, как известно, до того момента власть монархов всегда покоилась на основании народной поддержки.

В этом смысле, разбирая вопрос о принадлежности суверенитета в государствах народовластия, не стоит противопоставлять образующие их силы. Именно возникающий между ними конгломерат придает государственности достаточную жизнеспособность. В государственности монарх, парламент или какая-то отдельная социальная группа (класс) не воспринимаются народом чужеродными образованиями, требующими беспощадной расправы. Они есть часть самого народа, образующего государство, ибо неизвестны государства, учрежденные упомянутыми суверенами в отсутствие народа. Абсолютное меньшинство не может физически господ-

⁴⁷ В советском и зарубежном государствоведении этой полемике обязательно посвящались целые разделы, построенные в большей степени на противопоставлении доктринальных конструкций господствующих идеологий, чем на жизненных фактах. Нередко доставалось даже Аристотелю и средневековым мыслителям. См. об этом: *Магазинер Я. М.* Самодержавие народа... С. 101–111; *Григорян Л. А.* Народовластие в СССР. С. 44–73; *Гулиев В. Е.* Демократия и современный империализм. М., 1970. С. 4–5, 12–18; *Гурвич Г. С.* Народ... С. 39–40; и др.

⁴⁸ *Чиркин В. Е.* Нетипичные формы правления... С. 111–112.

⁴⁹ На это прямо намекал Н. А. Захаров: *Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. С. 14.

ствовать над широкими массами без их согласия⁵⁰. Последнее же есть основной элемент всякой формы публично-правового солидаризма. Без согласия нет единения, значит, нет и государства.

Казалось бы, такой критерий позволяет считать народным любое государство. Но это далеко не так. Государство народоправства в силу своей общенародности всегда ориентировано на интересы широких масс, препятствует появлению *привилегий*⁵¹ отдельных социальных групп, создает равные условия существования и развития для всего гражданского общества, а действующее в нем право черпается в общественном, но не в ограниченном классовом сознании⁵².

Итак, источником всякой власти в государстве народовластия выступает *народ*. Он — единственный *непосредственный* субъект властеотношений. Глава государства, парламент, органы государственной власти и общественного самоуправления представляются субъектами *производными*. Различаются они *обязательностью* изъязвляемой ими воли или притязаний. Противопоставление воли непосредственного и притязаний опосредованных субъектов властеотношений исключает государство из категории народоправных вследствие несоответствия признакам общенародности, солидаризма и народного суверенитета.

Применительно к вопросам властного управления следует акцентировать внимание на государственно-правовом аспекте термина «народ». Он представляется в виде внесловной или внеклассовой общности (организованного коллектива) правоспособных в политическом плане граждан конкретного государства, наделенного правом открытого выражения собственного и обязательного для всех единого мнения⁵³.

Особо нужно сказать о проблеме организованности народа-коллектива. Какова ее степень и влияние на характер общей воли субъектасуверена? Очевидно, что именно *общая воля*⁵⁴ переводит простую сово-

⁵⁰ Об этом «парадоксе властвования немногих над многими» писал С. А. Котляревский (*Котляревский С. А. Власть и право... С. 15*) и многие другие. Фактическое господство меньшинства, по точному замечанию А. Н. Кокотова, может также явиться следствием *вынужденного* социального согласия и даже *терпения*. Внешний пример такого терпения — ношение китайцами косичек на головах в период правления маньчжурской династии (меньшинства), основанное на социальной слабости и разобщенности людей. Такие формы согласия лишь прикрывают протест масс, но могут вылиться и в социальный взрыв (личная переписка от 09.12.2017).

⁵¹ *Магазинер Я. М. Самодержавие народа... С. 75, 77, 90, 126.*

⁵² *Котляревский С. А. Власть и право... С. 116.*

⁵³ Подходы к восприятию народа через понятия «организованный коллектив» и «общность различных социальных групп», существующих в рамках единого государства и взаимодействующих с ним через институт гражданства, четко прослеживаются в трудах В. Т. Кабышева, О. О. Миронова (*Кабышев В. Т., Миронов О. О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Известия вузов. Правоведение. 1969. № 4. С. 39–40; Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве. Саратов, 1974. С. 11*). О коллективном телеологическом единстве людей при образовании государства упоминает и Г. Еллинек (*Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 129–130*).

⁵⁴ Общая воля народа в государствоведении представляется устоявшейся категорией. Она воспринимается в виде «общего согласия всех относительно общих предметов» (*Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. С. 24*), внешнего выражения «общих

купность воли индивидов в состоянии внутреннего единства, присущее коллективной воле социального субъекта. Она раскрывается только во властных отношениях учредительного порядка⁵⁵. В этом значении суверен является *политико-правовым субъектом* властеотношений⁵⁶, а навязывание им воли и есть его власть⁵⁷.

Организованность и общая воля народа-суверена напрямую связаны с его *сплоченностью*. Они возможны на основе общих ценностных и телеологических установок. Трудно сказать, приведет ли когда-либо такое социальное единение к *однородному* обществу, до сих пор подобных случаев не отмечено. Даже социалистическому народовластию не удалось искоренить расслоение масс, рожденное индивидуальностью человеческого сознания. На этой почве появилось мнение о фиктивном характере однородного или солидарного (единенного) общества⁵⁸.

Думается, сплоченность общества предопределяется избранной им формой политико-правового солидаризма, осознанными *желанием* и *необходимостью* всех социальных групп, различие интересов и положения которых вне их крайних проявлений не воспринимается большинством в качестве повода для разрушения государства. История еще не предложила ему достойной альтернативы, а открытое социальное противостояние осознается как угроза любой человеческой коммуникации. Видимо, расслоение общества, возникшее из самой жизни, а не искусственно-

интересов и потребностей» (Козлова Е. И. Воля советского народа (государственно-правовой аспект) // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 21–23; Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964. С. 72).

⁵⁵ Видимо, по этой причине ряд отечественных государствоведов не относил народ к субъектам правоотношений, придерживаясь точки зрения об отсутствии у него правосубъектности ввиду особого статуса — *субъекта общественных отношений*, который хоть и формируется конституционными нормами, но является внеправовой категорией исторического материализма (Кабышев В. Т., Миронов О. О. Категория «народ»... С. 40–41; Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. I. Саратов, 1967. С. 87; Алексеев С. С. Проблемы теории права: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 290; и др.). Противоположного мнения придерживались Ю. Г. Судницын (Судницын Ю. Г. Национально-государственное устройство СССР. Свердловск, 1979. С. 6, 10), М. И. Кукушкин (Кукушкин М. И. Конституционное регулирование национальных отношений в обществе развитого социализма // Конституционное регулирование национального суверенитета и государственности в СССР. Свердловск, 1982. С. 18), А. Н. Кокотов (Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. С. 45–46), указывавшие на то, что народ (нация) обладает специфическим *политико-правовым свойством* через организованное единство (специальную правосубъектность) самостоятельно и свободно изъяслять волю по любым важным вопросам, в том числе касающимся государственного строительства. О народе-субъекте также упоминали Г. Еллинек (Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 296–297, 320), Я. М. Магазинер (Магазинер Я. М. Республика... С. 29), Е. И. Козлова (Козлова Е. И. Воля советского народа... С. 22–23) и др.

⁵⁶ Е. И. Козлова прямо называет народ *субъектом политической власти* (Козлова Е. И. Воля советского народа... С. 23). В развитие ее мысли следует учитывать, что в государстве политическая власть субъекта-суверена *всегда* обретает публичный (государственный) характер, закрепленный правом. К. М. Тахтарев закрепляет за ним исключительно право принятия новых решений в осуществлении власти (Тахтарев К. М. От представительства к народовластию. С. 176).

⁵⁷ Бурлацкий Ф. М. Ленин. Государство. Политика. М., 1970. С. 83.

⁵⁸ Магазинер Я. М. Самодержавие народа... С. 11, 116.

юридическим путем⁵⁹, не является обязательным условием его распада, но понуждает к поиску режима сосуществования объединяющихся по разным основаниям людей. На почве такого консенсуса при определенных условиях и появляются народные государства.

Куда проще объяснить специальную правосубъектность народа-суверена с позиций конституционно-правовых положений. С конституционным признанием его источником власти с правом непосредственного коллективного волеизъявления через различные формы прямого народоправства, мы юридически наделяем народ обязательной организующей волей и правомочиями совершать определенные публичные действия. Через объективированную правом общую политическую волю также проявляется его единство как субъекта учредительных властеотношений, в которых он априори не может «рассыпаться» на волю автономных индивидов.

Помимо общей воли в народном государстве принято выделять и другой основной признак суверена — *полновластие* народа⁶⁰. В несколько отличной от озвученных трактовке, оно вытекает из общенародности такого государства, в котором политическая власть принадлежит не отдельной социальной группе, большинству или меньшинству, но единому в государственных рамках народу, пусть и не монолитному в своих интересах и потребностях. Полновластный народ непосредственно или через представителей сам вырабатывает правила социального общежития, закрепляет их в праве и реализует через механизм публично-властного управления⁶¹. При этом социальному меньшинству не препятствуется прибегать к различным формам самоорганизации (созданию политических

⁵⁹ Там же. С. 105. — Право лишь закрепило возникшую социальную неоднородность.

⁶⁰ В советской научной литературе данный термин раскрывался через принадлежность советскому народу *политической и экономической* власти (Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве. С. 22, 37). Возможно, такая конструкция и соответствовала идее социалистического государства с однородным обществом, но к иным формам государственного народоправства, организованным социально расслоенным народом, она не применима. Массовое сознание советских людей так и не восприняло идею общей (государственной) собственности, посему предложенная трактовка народного полновластия на практике «хромала», все больше опираясь на идейную сторону. Неплохая теория натолкнулась на консервативную практику. До этого Я. М. Магазинер, разделяя суверенитет на *фактический и юридический*, также указывал на их материальную подоснову (*экономический суверенитет*), формирующую как политическую волю суверена, так и суть государственного права (Магазинер Я. М. Самодержавие народа... С. 74, 77, 86–87).

⁶¹ Иногда к признакам полновластия народа относят институт политической ответственности народных представителей, рассматриваемой в качестве *санкции* или некоего режима (см. об этом: Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве. С. 46–47; Мийар Э. Размышления о юридическом значении конституционной ответственности // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 4. С. 182, 184–185; Тропер М. Конституционная ответственность и функция правления // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 4. С. 196, 211). С учетом того, что подобные взгляды нарушают саму конструкцию юридической ответственности (отсутствие факта нарушения какого-либо нормативного предписания), политическую ответственность в нашем случае надлежит воспринимать *публично-правовой обязанностью*, вытекающей из доверительно-представительных отношений. Это позволяет реализовать принцип «Не оправдал доверия — верни властные полномочия».

партий и движений, профессиональных объединений и союзов), самовыражения (пропорциональному представительству в органах власти, участию в оппозиционных фракциях) и политико-правовым гарантиям (равенству в политических и экономических правах). В государстве устанавливается порядок благоприятного социального взаимодействия. Теоретическая утопия? Нет, скорее — отлаженный режим социального регулирования, изменяемый эволюционно, но не революционно.

Признание и массовое использование форм непосредственного волеизъявления народом-сувереном (выборов, депутатских наказов, разного рода референдумов, петиций, общественных опросов, законодательной инициативы масс и т. д.) в управлении общественными делами также характеризует государство как народоправное. В нем наблюдается *равноправное* сочетание форм прямого и представительного управления.

Воля народа-суверена в государствах народовластия определяет специфику иных, производных субъектов властеотношений. Она заключена в том, что последние выступают его *поверенными*⁶². Происходит это вследствие того, что по общему признанию народный суверенитет не передаваем, он не подлежит полному или частичному отчуждению, ибо базируется на общей воле народа, которую передать *невозможно*⁶³. Воля — исключительная способность живого субъекта⁶⁴. Интересно, что право никогда не признавало возможности ее передачи от одного лица к другому, будь то воля народа или отдельного индивида. Она не передается ни политически, ни юридически. По этой причине при утрате народом роли единственного учредителя и организатора публичной власти можно ставить вопрос о ее узурпации, утрате ею социального авторитета⁶⁵ и исчезновении народного государства.

А вот передача народом полномочий осуществления власти своим представителям вполне признается⁶⁶. Этот процесс есть выражение воли

⁶² Мысли о *доверительно-представительной* природе исполнительной власти имеют давнюю историю. Декларация прав Виргинии 1776 г. прямо указала, что лица, облеченные любой правительственной властью, являются доверенными слугами народа (приводится по: *Деборин А. М.* Социально-политические учения нового времени. М., 1958. С. 416–418). О правомерности государственной власти в глазах народа и социальной общности носителей и масс упоминали Г. Еллинек (*Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 308, 309), Н. А. Захаров (*Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. С. 22–23).

⁶³ *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. С. 21. — Эта идея в рамках народного суверенитета представляется краеугольным камнем. Отчуждение воли субъекта просто разрушает данную конструкцию до основания.

⁶⁴ Видимо по этой причине Гегель приписывал государству наличие живой души, чтобы потом обосновать наличие у него воли, что соответствовало тогдашнему учению о его *разумно-волевом единстве* (приводится по: *Алексеев Н. Н.* Очерки по общей теории государства. С. 112–114).

⁶⁵ Г. Еллинек четко сформулировал принцип: власть лишается господства и авторитета, если ей не подчиняются (*Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 310).

⁶⁶ *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. С. 21. — Г. Еллинек, анализируя учения о суверенной княжеской власти и первоначальном народном суверенитете, вывел две противоположные точки зрения, согласно которым часть мыслителей допускала отчуждение народом власти королю на договорной или прекарной основе, другие вовсе исключали такую возможность (*Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 334–335).

субъекта-суверена, направленной на ее опосредованную реализацию поверенным лицом. Своей воли, отличной от суверенной, последний проявлять не вправе⁶⁷ в силу понимания самого института представительства и *обязан* осознанно соотносить свои действия с интересами и потребностями доверителя, которому *подконтролен*. То, что это происходит в сфере регулирования властно-публичных отношений, значения не имеет.

В народных государствах поверенные субъекты разделяются на *индивидуальных* и *коллективных* носителей публичной власти.

Так, к индивидуальным поверенным субъектам принято относить *главу государства* (монарха, президента и т. д.)⁶⁸ — лицо, наследующее власть по согласию с народом или избранное им непосредственно (либо его представителями), наделенное высшими государственными полномочиями в решении наиболее важных социальных вопросов. Он выступает стержнем всей структуры публичного управления, определяет порядок функционирования государственного механизма, являясь перед ним единоизбранным представителем народа.

Несмотря на то что институт главы государства детально изучался многими поколениями исследователей, применительно к государствам народоправства можно дополнительно указать его некоторые отличительные признаки.

Вне зависимости от официального названия, истории возникновения и особенностей правового статуса глава любого народного государства пребывает у власти *волею народа*⁶⁹. Это происходит как путем непосредственного волеизъявления суверена (выборов), так и с его *согласия* с устоявшимися традициями государственного строительства (пожизненное и наследственное властвование монарха). В любое время законным или революционным путем народ может лишиться его всех полномочий. Такой сценарий допустим в государствах народовластия только в случае узурпации власти как средство восстановления народного суверенитета. В иных ситуациях замена народных представителей должна осуществляться в рамках установленных процедур через представительные или непосредственные формы народоправства⁷⁰.

⁶⁷ О том, что народное представительство не предполагает существование самостоятельной от суверена воли, писал Б. П. Спасов: *Спасов Б. П. Система народного представительства в Народной Республике Болгария*. М., 1965. С. 12.

⁶⁸ Обсуждая возможность реализации идеи правового государства через деятельность *носителя* государственной власти, С. А. Котляревский справедливо ставил в один ряд монарха и президента (*Котляревский С. А. Власть и право... С. 53*). Ее социальная направленность определяет независимость или опосредованность их власти в государстве, соответствие или противопоставление последней народной воле. О монархе-делегатии писал и Г. Еллинек: *Еллинек Г. Общее учение о государстве*. С. 435.

⁶⁹ *Магазинер Я. М. Республика... С. 9–10.*

⁷⁰ Такая позиция созвучна с мнением А. В. Полякова, который считает, что деятельность власти, даже не связанная с формальным нарушением закона, но неэффективная и неправильная по оценке избирателей, представляется основанием для ее смены по мотивам утраты доверия демократическим и законным путем (*Поляков А. В. Правопонимание как теоретико-правовая проблема // Известия вузов. Правоведение*. 2014. № 2. С. 14).

Во властной иерархии глава государства есть *высшее лицо*, но не верховный орган⁷¹, что прямо вытекает из суверенитета народа. Прояснить разницу между ними помогает анализ права вето главы государства, которое при народоправстве всегда имеет *суспензивный* (отлагательный) характер, но абсолютный — никогда. Законы, принимаемые непосредственно народом⁷² или его представительными органами, в государствах народовластия окончательному отклонению главой государства не подлежат, а его вето всегда преодолимо посредством специальных процедур.

Глава государства — *соуправитель*⁷³ народа-суверена, действующий в интересах последнего. Вариант такого взаимодействия, например, просматривается в положениях ст. 33, 36–37 Конституции Бельгии 1994 г., где бельгийская нация (т. е. *народ*⁷⁴) признается источником всякой власти, законодательная и исполнительная ветвь которой осуществляется ею совместно с королем.

Вопрос об *ответственности* главы государства перед сувереном имеет политико-правовое основание. Во-первых, высшее лицо несет ответственность непосредственно перед народом, но не органами государства⁷⁵. Этим объясняются особенности его правового иммунитета. Во-вторых, такая ответственность скорее воспринимается *обязанностью* главы государства претерпеть личные неблагоприятные последствия не только в связи с нарушением им воли суверена, но и с утратой доверия последнего.

Коллективными поверенными субъектами властеотношений в народных государствах выступают представительные (законодательные) и исполнительные органы власти (парламенты, национальные собрания, правительства, органы местного самоуправления, органы охраны правопорядка), а также суд⁷⁶.

⁷¹ Там же. С. 9. — Отдельные теоретики монархизма времен Бодэна, да и более позднего периода, также выводили право короля из права народа. Такая опосредованность его власти следовала из различия понятий верховной и высшей власти (см. об этом: *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 333–334).

⁷² Эта практика известна отдельным кантонам Швейцарии (см. об этом: *Дюнан А.* Народное законодательство в Швейцарии... С. 60). Прямое принятие законов народом практиковалось до 1478 г. в Новгородской республике и в Псковской республике до 1510 г. (см. об этом: *Магазинер Я. М.* Республика... С. 18).

⁷³ Соуправство — качество, основанное на подчиненности воле суверена. Г. Еллинек считал глав государств непосредственными, но в то же время вторичными органами государства (*Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 435).

⁷⁴ В западной, да и в отечественной традиции суверенитеты нации и народа нередко отождествляются, эти понятия воспринимаются синонимами. Об этом, например, упоминали Г. С. Гурвич (*Гурвич Г. С.* Народ... С. 39) и Я. М. Магазинер (*Магазинер Я. М.* Республика... С. 10). На такой подход указывает и содержание ст. 2 бельгийской Конституции, определившей, что Бельгия включает в себя французское, фламандское и германоязычное сообщества.

⁷⁵ В случаях законного отлучения от власти органы выполняют скорее технические действия от имени суверена в рамках заранее установленных процедур. Абсолютной монархии ответственность перед народом неизвестна, ибо, согласно некоторым теориям, ее власть имеет *непроизводный* от народа характер, отделяющий монарха от народа.

⁷⁶ Специфика власти судебных органов ограничена установлением ими *правомерности* действий участников публичных правоотношений, их привлечением к юридической

Обсуждая указанные органы, рассмотрим лишь отдельные моменты их формирования и функционирования, имеющие принципиальное значение в государствах народовластия.

В частности, принято обращать внимание на проблему перерастания представительного парламентского народовластия в *парламентаризм* — явление, сопровождающееся подменой суверенитета одного субъекта суверенитетом другого. В нем народ юридически утрачивает всякое влияние на своих избранников, его воля заменяется волей парламентского большинства⁷⁷. В народных государствах роль парламента сводится к выявлению и ретрансляции в органы публичной власти коллективного мнения (воли) масс, которую он толкует, облачает в форму законов, а затем проверяет ее исполнение. В них представительный орган не является властелином народа⁷⁸.

Споры ведутся и о самом устройстве высшего представительного органа. Двухпалатная система в условиях народовластия непонятна⁷⁹. Признавая нижнюю палату собранием народных избранников, мы задаемся вопросом: кто, на какой основе и для чего формирует верхнюю палату? Направлять в нее через выборы дублирующий корпус депутатов бессмысленно. Думается, верхняя палата есть элемент контроля депутатской деятельности. В России сегодня, например, Совет Федерации комплектуется путем *назначения* представителей законодательными собраниями и исполнительными органами регионов⁸⁰, а также главой государства. Данный принцип формирования представительного органа непосредственному народовластию неизвестен, но, скорее, присущ государству. Некоторым оправданием выглядят попытки представить назначение способом выражения представительства субъектов в федеративных государствах и средством компенсации «дефектов» народного представительства⁸¹.

ответственности в случае нарушения правовых предписаний, а также определением способа восстановления попорченного правопорядка. По этой причине исследовать далее деятельность суда — субъекта властеотношений мы не будем, хотя стоит упомянуть о выборности судей народом, существовавшей в Швейцарии (см. об этом: *Тихтарев К. М.* От представительства к народовластию. С. 214) и СССР.

⁷⁷ Об ошибке отождествления народовластия с парламентаризмом предупреждали многие (см., напр.: *Тихтарев К. М.* От представительства к народовластию. С. 8–9; *Гурвич Г. С.* Народ... С. 39–40). Н. А. Захаров вообще называл парламентаризм узурпатором власти народа (*Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. С. 275).

⁷⁸ *Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. С. 286.

⁷⁹ Я. М. Магизинер выводил такое построение из примера английского парламента, справедливо отмечая, что верхняя палата — свидетельство сохранения части юридического суверенитета английской монархии (*Магизинер Я. М.* Самодержавие народа... С. 90).

⁸⁰ Можно пытаться выводить народный характер представительства законодательных органов субъектов в Совете Федерации через доверие их избирателей, но тогда следует объяснить правовую природу возможности расширения представительных полномочий отдельных депутатов с регионального до федерального уровня. В этом смысле Совет Федерации выглядит более «государственной» частью парламента.

⁸¹ См. об этом: *Филиппова Н. А.* Публичное представительство: правовая природа, виды и формы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 364.

Существуют ли границы такой компенсации? Конечно, ими можно считать способность Государственной Думы преодолевать вето верхней палаты и очевидную невозможность исполнения Советом Федерации ряда законодательных и иных функций (ст. 103 Конституции РФ) без нижней палаты, но есть несколько принципиальных моментов. Во-первых, успех Государственной Думы в противостоянии палат обеспечивается лишь единением депутатского корпуса до уровня квалифицированного большинства, что затруднительно в условиях непредсказуемой парламентско-политической борьбы. Во-вторых, существует возможность значительного изменения содержания текстов законопроектов под воздействием Совета Федерации. Использование механизма отклонения законопроекта с целью его доработки в согласительной комиссии заставляет народных избранников вести поиск компромисса с представителями государства в парламенте, зачастую уступать им.

Другим признаком размывания полновластия народа в представительных органах следует считать реализацию принципа «свободного мандата». Эта конструкция возводит конкретного депутата в ранг всенародного избранника⁸², а не представителя избирателей отдельного округа. После выборов он становится представителем всего народа по закону, а не по воле избирателей. «Свободный мандат» исключает возможность воздействия граждан на депутата через меры прямого народовластия (депутатский наказ, отзыв). Реализуя его, парламент начинает осознавать свою политическую и юридическую⁸³ независимость от избирателей, в результате чего разрушается полновластие народа. В связи с этим народному государству более близок «императивный мандат» народного избранника, предполагающий максимальный набор средств реального воздействия граждан на своих представителей. Такой мандат максимально привязывает депутата к населению конкретного избирательного округа, т. е. к территориально отделенной группе, но не ко всему народу. Социальная группа — малый коллективный субъект, но не весь народ уполномочивает его представлять общие интересы. Возникает некая особая (корпоративная) связь между населением и его представителем. Совокупность таких групп, охватывающая все избирательные округа, формирует политически активную часть народа — электорат.

Чужда народному парламенту и излишняя политизированность⁸⁴ представительного корпуса, двойственный политико-правовой статус которого

⁸² Фикция всенародного представительства депутатов парламента раскрывается на фоне статуса всенародно избранного главы государства. Число поддержавших их избирателей просто несопоставимо. Кроме того, предусмотренная общим правилом конституционная возможность отрешения главы государства от должности возвышает над ним любого народного избранника. В России, например, последнего нельзя привлечь к политической (конституционной) ответственности.

⁸³ О существовании юридической зависимости депутатов в государствах народовластия писал Я. М. Магазинер (*Магазинер Я. М.* Республика... С. 16).

⁸⁴ Н. А. Захаров небезосновательно считал, что на практике парламент пребывает в руках «полудюжины партийных лидеров», заботящихся о собственных интересах (*Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. С. 274).

вырывает депутата из народной среды. С одной стороны, он является народным избранником, с другой — членом политической партии, связывающей его корпоративной дисциплиной и целью овладения политической, а затем и государственной властью⁸⁵. Партия — социальная группа, общественное меньшинство⁸⁶, она не вправе навязывать свое мнение всему народу. Своей деятельностью партия должна способствовать раскрытию интересов и удовлетворению потребностей неоднородного суверена, но не использовать его силу по собственному усмотрению. Парламент — не место для жесткой политической борьбы за власть, но официальная площадка единения разнородного народа, место поиска социального компромисса, но не противостояния с другими органами государственной власти. Политическая борьба в нем должна вписываться в те рамки, которые задает сила общенародного солидаризма⁸⁷, а межпартийному противоборству не следует становиться правилом государственного существования народа, которое «сжимает государство» и «мертвит сердцевину общественной жизни»⁸⁸, тогда как «народное голосование оживляет политическую жизнь», порождает в нем чувство самоуважения и ответственности в решении собственных дел⁸⁹. По этой причине партийный способ формирования парламента в реальности не ведет к политическому единению народа, укреплению основ публичной власти в государствах народовластия. Нужна иная форма коллективного общественного представительства, которой вполне могут выступить набирающие ныне силу массовые общественные движения, не ставящие главной целью овладеть политической властью, а способствующие решению конкретных государственных и социальных проблем путем проявления личной инициативы и оказания помощи органам власти.

В равной степени сказанное относится и к представительным органам самоуправления населения на местах.

⁸⁵ Как справедливо отметил А. Н. Кокотов, возникающая между народным депутатом и выдвигающей его политической партией корпоративная связь гораздо более жесткая, чем связь народа и наделенного императивным мандатом избранника (личная переписка от 09.12.2017).

⁸⁶ В конце 1980-х гг. число членов самой массовой в истории России КПСС составляло чуть более 19,2 млн чел. (Статистические данные по КПСС на 1 января 1990 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 113), что соответствовало не более 7 % от 286 млн человек населения (*Лабутова Т.* Всесоюзная перепись населения СССР (1989) // Ежегодник Большой советской энциклопедии. Вып. 34. М., 1990. С. 7–11). Сегодня у нас все современные парламентские партии по численности не объединяют и 2 % уменьшившего вдвое населения (вычисления сделаны автором на основе данных, заявленных на партийных сайтах «Единой России», «Справедливой России», КПРФ и ЛДПР). Понятно, что в оценке влияния партии помимо численности ее членов следует учитывать и численность ориентирующихся на нее на выборах и в общественных дискуссиях граждан, однако возникающая между ними связь является временной, неустойчивой, прочность которой определяется совпадением интересов масс с программными партийными обещаниями. Доверие избирателей всегда дается авансом, поэтому невыполнение предвыборных программ лишает партии широкой социальной опоры, а значит, и роли социального гегемона.

⁸⁷ А. Н. Кокотов видит в этом реальное политическое проявление разнородности народа (личная переписка от 09.12.2017).

⁸⁸ *Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. С. 272–273, 275, 277.

⁸⁹ *Тахтарев К. М.* От представительства к народовластию. С. 196.

Помимо политического единства масс необходимо учитывать и экономическую основу народного единения, важнейшим индикатором которой является разрыв уровня жизни обеспеченных и бедных социальных групп.

Органы исполнительной власти в народных государствах также опосредованы властью народа-суверена, поэтому в своей деятельности пребывают в канве его политико-правовой воли. Тут можно говорить о принципе *политико-правовой субординации* в отношениях между сувереном и его поверенными публичными субъектами. Исполнительная власть не вправе осуществлять никаких полномочий, традиционно связываемых с верховной властью⁹⁰.

Особенности формирования и функционирования исполнительных органов таковы. Их публично-правовой статус основан на *делегации*⁹¹ полномочий от законодательной власти и организационно-распорядительной власти главы государства. Этим объясняется повсеместное правило подотчетности и подконтрольности таких органов парламенту и/или руководителю государства. Делегация же объясняет необходимость *согласованности* управления и поддержания правопорядка с конституционно заявленными принципами народовластия.

С учетом того, что законотворчество является прерогативой народа или его представительных органов, *правотворческая деятельность* поверенных субъектов не должна противопоставляться этой прерогативе.

Общественный контроль исполнительных органов публичной власти также выступает основополагающим признаком организации их деятельности как поверенного субъекта властеотношений.

И последнее. К числу субъектов властеотношений в системе народовластия по ряду причин не следует относить само государство.

Во-первых, как указывалось выше, государство представляется формой политико-правового солидаризма людей. Ее содержанием выступает народ. Отделение формы от содержания, тем более их противопоставление в качестве суверена власти, есть нарушение законов диалектики. Аналогичный результат наблюдается в случае соотнесения государства как целого и народа как его обязательного волевого элемента. Отождествление целого с частью изначально логически неверно, как невозможно и простая экстраполяция индивидуального признака части (воли народа) применительно к целому (государству)⁹². Абстрактное⁹³ не может наделяться признаками реального.

⁹⁰ Там же. С. 222.

⁹¹ Учение о *делегации* правительственной власти от законодательной упоминается у С. А. Котляревского (*Котляревский С. А. Власть и право... С. 32*) и В. Т. Кабышева (*Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве. С. 80*).

⁹² *Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. С. 38.*

⁹³ Абстрактность государства раскрывается Н. Н. Алексеевым через категорию его *идеальности*; государство не может быть ни организмом, ни личностью (Там же. С. 26, 37, 40, 146, 149, 175).

Во-вторых, государство представляется исключительно условным *юридическим построением*⁹⁴, проявляющимся в жизни только через систему функционирующих государственных органов.

Формально не относятся к субъектам властеотношений политические партии и иные формы общественных организаций. Несмотря на то что они выражают интересы и потребности отдельных социальных групп (социального меньшинства), считать суверенной волю их членов не приходится. Сама же коллективная воля партий представляется лишь частью суверенной воли народа, поэтому обретение меньшинством фактического суверенитета на практике лишает государство народоправного характера.

Завершая обсуждение субъектов властеотношений народных государств и возникающих между ними связей, подчеркнем, что прописать исчерпывающий перечень их признаков, свойственных любой форме народного государства, невозможно. Тому противоречит индивидуальность путей и опыта государственного строительства разных народов и эпох, но потребность в такой работе вполне осязаема. Занимаясь поисками основ единства публичной власти в России и ее единения с народом, мы должны понимать, что исходной точкой этого движения может стать переосмысление конституционно закрепленной идеи народоправства. Накопленный исторический опыт и обширные теоретические познания станут тому существенным подспорьем.

Выводы. Общими признаками народных государств выступают их прогрессивно-регулятивная функция, общенародный характер и солидаризм (единение) представителей власти и народа, а также реализованная в них идея народного суверенитета, определяющая народ единственным источником и носителем верховной власти, выступающим основой власти государства и местного самоуправления. Такие государства строятся на сочетании принципов самоопределения, самоорганизации и самоуправления народа.

Субъектами властеотношений в народовластных государствах следует считать источники и носителей публичной власти, которыми выступают народ (непосредственный субъект) и опосредованные субъекты (единоличные и коллективные представительные и исполнительные органы власти). Между ними складываются отношения по схеме «суверен — поверенный», которая не предполагает наличия собственной политической воли у опосредованных субъектов.

Обязательность следования опосредуемыми субъектами воле народа-суверена есть проявление его власти как организованного и сплоченного политико-правового субъекта, определяющего характер всей системы социального, в том числе публично-правового, управления в государствах народовластия.

⁹⁴ См. об этом: *Котляревский С. А.* Власть и право... С. 43; *Братусь С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 63; *Алексеев Н. Н.* Очерки по общей теории государства. С. 38; *Арапов Н. А.* Идея поддержания доверия субъектов права государством и ее связь с конституционным правом России // *Известия вузов. Правоведение.* 2014. № 2. С. 160; и др.

В связи с этим опосредуемые субъекты участвуют в публичном управлении через механизмы делегирования властных полномочий от суверенаносителя либо прямого исполнения волеизъявления народа на принципах политико-правовой субординации, согласованности действий и общественного контроля, равноправного сочетания форм представительного и непосредственного управления, что, согласуясь с указанными выше тезисами, представляется описанием структурно-функциональной модели государства народовластия, позволяет выявить основы эффективной организации властных отношений в институтах гражданского общества.

В заключение еще раз подчеркнем важность актуализации исследования проблем народовластия в отечественной науке. Она обусловлена острой потребностью в концептуализации обновленной национальной идеи дальнейшего государственного строительства в России. Таковой может стать идея создания народного государства, в котором различные социальные общности объединятся на общей аксиологической основе в целях совместного управления общими делами, публичная власть перестанет восприниматься чужеродной давящей силой, а деятельность органов государственного управления переориентируется на интересы народных масс. Это обеспечит социальное единство гражданского общества, политическую и экономическую устойчивость государства перед лицом внешних и внутренних вызовов. Нужно просто заняться реализацией конституционных принципов, обеспечивающих суверенитет российского народа. Альтернативы данному пути пока нет.

Литература

Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. М.: Московское научное издательство, 1920. 208 с.

Алексеев С. С. Проблемы теории права: в 2 т. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. Т. 1. 396 с.

Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Сочинения исторические. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. Т. I. 636 с.

Арапов Н. А. Идея поддержания доверия субъектов права государством и ее связь с конституционным правом России // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 2. С. 157–173.

Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юридическое издательство, 1947. 364 с.

Бурлацкий Ф. М. Ленин. Государство. Политика. М.: Наука, 1970. 522 с.

Гессен В. М. Общее учение о государстве. СПб.: Типолиитография И. Трофимова, 1912. 190 с.

Гревс И. М. Идеиная борьба и созидательная работа в революции // Полярная звезда. 1906. № 12. С. 55–75.

Григорян Л. А. Народовластие в СССР. М.: Юридическая литература, 1972. 296 с.

Гулиев В. Е. Демократия и современный империализм. М.: Международные отношения, 1970. 278 с.

Гурвич Г. С. Народ, народный суверенитет и народное представительство в советской системе // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 38–47.

Деборин А. М. Социально-политические учения нового времени. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 628 с.

Денисов А. И. Теория государства и права. М.: Юридическое издательство, 1948. 532 с.

Дюнан А. Народное законодательство в Швейцарии: исторический обзор. СПб.: Типография Альтшулера, 1906. 95 с.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1908. 599 с.

Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Новочеркасск: Электро-типография Ф. Туникова, 1912. 312 с.

Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. 74 с.

Кабышев В. Т., Миронов О. О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Известия вузов. Правоведение. 1969. № 4. С. 36–41.

Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1974. 149 с.

Керимов Д. А. Сущность народного социалистического государства // Вестник ЛГУ. 1961. № 23. С. 117–134.

Кистяковский Б. А. Сущность государственной власти. Ярославль: Типография Губернского правления, 1913. 41 с.

Ковалевский М. М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1906. Т. II. 293 с.

Козлова Е. И. Воля советского народа (государственно-правовой аспект) // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 19–25.

Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1994. 128 с.

Косицын А. П. Вопросы теории общенародного права // Коммунист. 1963. № 5. С. 118–124.

Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства. М.: Типография «Мысль» Н. П. Меснянкин и К°, 1915. 417 с.

Коток В. Ф. О развитии форм сочетания народного представительства с непосредственной демократией в СССР // Советское государство и право. 1960. № 12. С. 12–22.

Кукушкин М. И. Конституционное регулирование национальных отношений в обществе развитого социализма // Конституционное регулирование национального суверенитета и государственности в СССР. Свердловск, 1982. С. 15–23.

Лабутова Т. Всесоюзная перепись населения СССР (1989) // Ежегодник Большой советской энциклопедии. Вып. 34. М., 1990. С. 7–11.

Магазинер Я. М. Самодержавие народа (опыт социально-политической конструкции суверенитета). СПб.: Издание Н. Глаголева, 1907. 142 с.

Магазинер Я. М. Республика, ее сущность и важнейшие демократические формы. Пг.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1917. 40 с.

Мамут Л. С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 45–54.

Маньковский Б. С. Народно-демократическая республика — политическая форма диктатуры рабочего класса // Советское государство и право. 1949. № 10. С. 12–21.

Мийар Э. Размышления о юридическом значении конституционной ответственности // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 4. С. 181–195.

Монтескье Ш. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1900. 800 с.

Петров В. С. Тип и формы государства. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1967. 120 с.

Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.

Поляков А. В. Правопонимание как теоретико-правовая проблема // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 2. С. 6–18.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Издательство «Соцэкзис», 1938. 124 с.

Савальский В. А. Государственное право: общее и русское. Варшава: Типография «Русского Общества», 1912. Ч. I. 191 с.

Спасов Б. П. Система народного представительства в Народной Республике Болгария. М.: Наука, 1965. 91 с.

Степанов И. М. Советская государственная власть. М.: Наука, 1970. 148 с.

Солоневич И. Л. Народная Монархия. М.: НП «Центр поддержки культуры и развития информационных технологий», 2002. 624 с.

Судницын Ю. Г. Национально-государственное устройство СССР. Свердловск: Уральский государственный университет, 1979. 48 с.

Тихтарев К. М. От представительства к народовластию. СПб.: Издание «Библиотеки Общественного знания», 1907. 228 с.

Тропер М. Конституционная ответственность и функция правления // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 4. С. 196–212.

Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. I. Саратов, 1967. 319 с.

Филиппова Н. А. Публичное представительство: правовая природа, виды и формы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 357–377.

Черепанов В. А. Проблемы российской государственности: опыт системного исследования. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 366 с.

Черепанов В. А. О народовластии в России // Государство и право. 2014. № 1. С. 36–44.

Чиркин В. Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. 1994. № 1. С. 109–115.

Шахназаров Г. Х. Социалистическая демократия: некоторые вопросы теории. М.: Политиздат, 1972. 192 с.

Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.

References

Aksakov K. S. *Polnoe sobranie sochinenii. Sochineniia istoricheskie* [Complete works. Historical works]. Moscow, Tipografiiia P. Bakhmeteva Publ., 1861. 636 p. (In Russian)

Alekseev N. N. *Ocherki po obshchei teorii gosudarstva* [Studies of the general state theory]. Moscow, The Moscow scientific Publishing House, 1920. 208 p. (In Russian)

Alekseev S. S. *Problemy teorii prava: v 2 t.* [The issues of the legal theory. In 2 vols]. Sverdlovsk, Sverdlovskii yuridicheskii institut Publ., 1972. Vol. 1. 396 p. (In Russian)

Arapov N. A. Ideia podderzhanii doveriia sub"ektov prava gosudarstvom i ee sviaz' s konstitutsionnym pravom Rossii [The idea of sustaining of trust of the law subjects by the state and its connection with the Constitutional law of Russia]. *Izvestiia vuzov. Pravo-vedenie*, 2014, no. 2, pp. 157–173. (In Russian)

Bratus' S. N. *Iuridicheskie litsa v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal entity in the Soviet civil law]. Moscow, Uridicheskoe izdatel'stvo Publ., 1947. 364 p. (In Russian)

Burlatskiy F. M. *Lenin. Gosudarstvo. Politika* [Lenin. State. Politics]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 522 p. (In Russian)

Cherepanov V. A. O narodovlastii v Rossii [On the democracy in Russia]. *Gosudarstvo i pravo* [The State and Law], 2014, no. 1, pp. 36–44. (In Russian)

Cherepanov V. A. *Problemy rossiiskoi gosudarstvennosti: opyt sistemnogo issledovaniia* [The issues of the Russian state system: the experience of systemic research]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2018. 366 p. (In Russian)

Chirkin V. E. Netipichnye formy pravleniia v sovremennom gosudarstve [The non-typical forms of government in modern state]. *Gosudarstvo i pravo* [The State and Law], 1994, no. 1, pp. 109–115. (In Russian)

Deborin A. M. *Sotsial'no-politicheskie ucheniia novogo vremeni* [The socio-political studies of new age]. Moscow, Akademii nauk SSSR Publ., 1958. 628 p. (In Russian)

Denisov A. I. *Teoriia gosudarstva i prava* [The theory of state and law]. Moscow, Yuridicheskoe Publ., 1948. 532 p. (In Russian)

Dunant A. *Narodnoe zakonodatel'stvo v Shveitsarii: istoricheskii obzor* [The popular legislation in Switzerland: the historical survey]. St. Petersburg, Tipografiia Al'tshulera Publ., 1906. 95 p. (In Russian)

Ebzeev B. S. *Konstitutsiia, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniia* [Constitution, power and freedom in Russia: the experience of synthetical research]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 336 p. (In Russian)

Ellineck G. *Obshchee uchenie o gosudarstve* [The general state study]. St. Petersburg, Publ. iuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova, 1908. 599 p. (In Russian)

Farber I. E., Rzhavskiy V. A. *Voprosy teorii sovetskogo konstitutsionnogo prava* [The theoretical issues of the Soviet constitutional law], iss. I. Saratov, 1967. 319 p. (In Russian)

Filippova N. A. Publichnoe predstavitel'stvo: pravovaia priroda, vidy i formy [The public representation: the law nature, types and forms]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk* [The science year-book of the Urals Branch of the Russian Academy of sciences Philosophy and law Institute], 2010, iss. 10, pp. 357–377. (In Russian)

Gessen V. M. *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General state doctrine]. St. Petersburg, Tipo-litografiia I. Trofimova, 1912. 190 p. (In Russian)

Grevs I. M. Ideinaia bor'ba i sozidatel'naia rabota v revoliutsii [The ideological struggle and constructive revolutionary work]. *Poliarnaia zvezda* [The North Star], 1906, no. 12, pp. 55–75. (In Russian)

Grigorian L. A. *Narodovlastie v SSSR* [Democracy in the USSR]. Moscow, Yuridicheskaiia literatura Publ., 1972. 296 p. (In Russian)

Guliev V. E. *Demokratiia i sovremennyi imperializm* [Democracy and present-day imperialism]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1970. 278 p. (In Russian)

Gurvich G. S. Narod, narodnyi suverenitet i narodnoe predstavitel'stvo v sovetskoii sisteme [People, popular sovereignty and people's representation in the Soviet system]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet State and Law], 1958, no. 12, pp. 38–47. (In Russian)

Kabyshev V. T. *Priamoe narodovlastie v sovetskom gosudarstve* [The direct democracy in the Soviet state]. Saratov, Saratov universitet Publ., 1974. 149 p. (In Russian)

Kabyshev V. T., Mironov O. O. Kategoriiia «narod» v sovetskom konstitutsionnom zakonodatel'stve [The category “people” in the Soviet constitutional legislation]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 1969, no. 4, pp. 36–41. (In Russian)

Kerimov D. A. Sushchnost' narodnogo sotsialisticheskogo gosudarstva [The essence of the people's socialist state]. *Vestnik Leningrad State University*, 1961, no. 23, pp. 117–134. (In Russian)

Kistyakovskiy B. A. *Sushchnost' gosudarstvennoi vlasti* [The essence of the state power]. Yaroslavl', Tipografiia Gubernskogo pravleniia Publ., 1913. 41 p. (In Russian)

Kokotov A. N. *Russkaia natsiia i Rossiiskaia gosudarstvennost'* [The Russian nation and the Russian state system]. Ekaterinburg, UrGYUA Publ., 1994. 128 p. (In Russian)

Kositsyn A. P. Voprosy teorii obshchenarodnogo prava [The issues of public law theory]. *Kommunist*, 1963, no. 5, pp. 118–124. (In Russian)

Kotlyarevskiy S. A. *Vlast' i pravo: problema pravovogo gosudarstva* [Power and law: The issue of the jural state]. Moscow, Tipografiia “Mysl'” N. P. Mesnyankin i K° Publ., 1915. 417 p. (In Russian)

Kotok V. F. O razvitii form sochetaniia narodnogo predstavitel'stva s neposredstvennoi demokratiei v SSSR [On the development of the forms combination of the people's representation with the direct democracy in the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet State and Law], 1960, no. 12, pp. 12–22. (In Russian)

Kovalevskiy M. M. *Ot priamogo narodovlastiia k predstavitel'nomu i ot patriarkhal'noi monarkhii k parlamentarizmu* [From direct democracy to representative one and from patriarchal monarchy to parliamentarism]. Moscow, Tipografiia Tovarishhestva I. D. Sytina Publ., 1906. Vol. II. 293 p. (In Russian)

Kozlova E. I. Volia sovetskogo naroda (gosudarstvenno-pravovoi aspekt) [The will of the Soviet people (The State and legal aspect)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet State and Law], 1972, no. 9, pp. 19–25. (In Russian)

Kukushkin M. I. [The constitutional regulation of national relations in society of advanced socialism]. *Konstitutsionnoe regulirovanie natsional'nogo suvereniteta i gosudarstvennosti v SSSR* [The constitutional regulation of the national sovereignty and state system in the USSR]. Sverdlovsk, 1982, pp. 15–23. (In Russian)

Labutova T. Vsesoiuznaia perepis' naseleniia SSSR (1989) [1989 All-Union census]. *Ezhгодnik Bol'shoi sovetskoj entsiklopedii* [The year-book of the Great Soviet encyclopedia], iss. 34. Moscow, 1990, pp. 7–11. (In Russian)

Magaziner Ya. M. *Respublika, ee sushchnost' i vazhneishie demokraticheskie formy* [Republic, its essence and the most important forms of democracy]. Petrograd, Publ. Yuridicheskogo knizhnogo sklada “Pravo”, 1917. 40 p. (In Russian)

Magaziner Y. M. *Samoderzhavie naroda (opyt sotsial'no-politicheskoi konstruksii suvereniteta)* [The people's autocracy (the experience of socio-political sovereignty construction)]. St. Petersburg, Publ. N. Glagoleva, 1907. 142 p. (In Russian)

Mamuth L. S. Gosudarstvo: poliusy predstavlenii [State: the poles of conceptions]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [The public sciences and the present], 1996, no. 4, pp. 45–54. (In Russian)

Maniykovskiy B. S. Narodno-demokraticheskaia respublika — politicheskaja forma diktatury rabocheho klassa [People's Democratic Republic: the political form of the working class dictatorship]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet State and Law], 1949, no. 10, pp. 12–21. (In Russian)

Miyar E. Razmyshleniia o iuridicheskom znachenii konstitutsionnoi otvetstvennosti [The considerations on the legal significance of the constitutional responsibility]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2014, no. 4, pp. 181–195. (In Russian)

Montesquieu Ch. *O dukhe zakonov ili ob otnosheniiakh, v kotorykh zakony dolzhny nakhodit'sia k ustroistvu kazhdogo pravleniia, k nravam, klimatu, religii, torgovle i t. d.* [On

the spirit of laws or on the relations where the laws must be found for the order of each rule, tempers, climate, religion, trade and so on]. St. Petersburg, Publ. L. F. Panteleeva, 1900. 800 p. (In Russian)

Petrov V.S. *Tip i formy gosudarstva* [The type and forms of state]. Leningrad, The Leningrad State University printing house, 1967. 120 p. (In Russian)

Polyakov A. V. Normativnost' pravovoi kommunikatsii [The normativeness of law communication]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2011, no. 5, pp. 27–45. (In Russian)

Polyakov A. V. Pravoponimanie kak teoretiko-pravovaia problema [The conception of law as a theory and law issue]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2014, no. 2, pp. 6–18. (In Russian)

Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore* [On the public agreement]. Moscow, Sotsekhkzis Publ., 1938. 124 p. (In Russian)

Savalskiy V. A. *Gosudarstvennoe pravo: obshchee i russkoe* [The state law: general and Russian]. Warsaw, Tipografiia "Russkogo Obshhestva" Publ., 1912, part I. 191 p. (In Russian)

Shkhnazarov G. Kh. *Sotsialisticheskaia demokratiia: nekotorye voprosy teorii* [The social democracy: some theoretical issues]. Moscow, Politizdat Publ., 1972. 192 p. (In Russian)

Solonevich I. L. *Narodnaia Monarkhiia* [The people's monarchy]. Moscow, Scientific production "The center of support of culture and development of information technology", 2002. 624 p. (In Russian)

Spasov B. P. *Sistema narodnogo predstavitel'stva v Narodnoi Respublike Bolgariia* [The system of people's representation in People's Republic of Bulgaria]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 91 p. (In Russian)

Stepanov I. M. *Sovetskaia gosudarstvennaia vlast'* [The Soviet state power]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 148 p. (In Russian)

Sunditsyn U. G. *Natsional'no-gosudarstvennoe ustroistvo SSSR* [The national state structure of the USSR]. Sverdlovsk, Ural'skii gosudarstvennyi universitet Publ., 1979. 48 p. (In Russian)

Takhtarev K. M. *Ot predstavitel'stva k narodovlastiiu* [From representation to democracy]. St. Petersburg, Publ. "Biblioteki Obshhestvoznaniia", 1907. 228 p. (In Russian)

Throper M. *Konstitutsionnaia otvetstvennost' i funktsiia pravleniia* [The constitutional responsibility and the function of government]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2014, no. 4, pp. 196–212. (In Russian)

Zakharov N. A. *Sistema russkoi gosudarstvennoi vlasti* [The system of the Russian state power]. Novocherkassk, Elektro-Tipografiia F. Tunikova Publ., 1912. 312 p. (In Russian)

Zdravomyslov A. G. *Problema interesa v sotsiologicheskoi teorii* [The issue of interest in sociological theory]. Leningrad, Leningrad university Press, 1964. 74 p. (In Russian)